

ОКБЕРЕННЕ

+

ANGELA DAVIS

NARRIUM STORIES

Angela Davis
Narrium Stories
Осквернение

<https://litres.ru/74083839>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец июня. Маленький американский город. Женщина стоит в огне и смотрит на лица в толпе.

Она знает каждое из них.

Магда прожила в Грейсе восемь лет — свободно, без оправданий. Город смотрел, пользовался, молчал. Шериф. Пастор. Аптекарь. Каждый приходил. Каждый считал, что дверь открыта.

Потом она выбрала одного. Сама. Без их ведома.

И город решил, что этого нельзя простить.

«Осквернение» рассказано в обратном порядке — от костра к началу. Вы знаете финал с первой страницы. И всё равно идёте дальше.

Психологическая тёмная драма. Трагический финал.

Содержание

Глава 1. Костёр	4
Глава 2. Венчание	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Angela Davis, Narrium Stories

Осквернение

Глава 1. Костёр

Я вижу их лица в огне. Я знаю каждое из них.

Шериф стоит справа. Руки в карманах — он всегда прятал руки, когда не знал, куда их деть. Я помню эти руки. Помню обручальное кольцо, которое он так и не снял. Оно царапало мне бедро, и он не замечал, а я замечала, но молчала — потому что молчание было единственным, что я ему давала бесплатно. Всё остальное стоило ему чего-то. Он просто не знал чего.

Пастор Элрод держится у края толпы. Конечно. Молится вслух, чтобы заглушить то, о чём думает в тишине. Сейчас он смотрит в землю. У него на правом виске маленькая родинка, которую я знаю лучше, чем его собственная жена. Жена сидит дома. Она единственная в этом городе, кто сегодня не пришёл, — и это не добродетель, это просто незнание.

Сьюзан Марч стоит у левого края в белой блузке с перламутровыми пуговицами. Такую она надевает только по воскресеньям. Сегодня суббота. Значит, готовилась. Для Сьюзан это праздник — самый честный за два года, потому что два года она знала, что её муж запирает лавку на обед не для

того, чтобы есть. Она смотрит на меня с выражением, которое ей самой кажется праведным. Я читаю его иначе: облегчение. Наконец-то есть виноватая, которая горит вместо неё.

Гарри Марч стоит в трёх шагах от жены и изучает носки ботинок. Он всегда снимал очки, прежде чем поцеловать меня — как будто хотел видеть меня чуть расплывчатой, чуть менее настоящей. А после — всегда заговаривал про погоду или бензин. Сразу. Не выносил тишины, которая оставалась. Сейчас он тоже не выносит тишины, только молчит.

Молодой Тайлер держит факел двумя руками, как держат оружие, когда никогда не держали оружия. Ему нет двадцати пяти. Он никогда не был со мной. Хотел — я видела это каждый раз, когда он садился у окна в закусочной и заказывал кофе, который не пил, и смотрел, как я хожу между столиками. Те, кто хотел и не получил, злее тех, кто получил и потерял. Это первое, что понимаешь в таком городе.

Жара конца июня здесь особая. Земля возвращает всё, что накопила за день, прямо тебе в лицо — снизу вверх, из себя наружу. Воздух между мной и ними дрожит. Могло бы быть красиво: марево над красной глиной, белая церковь за их спинами, небо, которое ещё не решило, темнеть или нет. Могло бы, если бы я не горела.

Огонь за спиной ведёт себя не так, как я ожидала.

Я ожидала — всё сразу, один удар. Вместо этого он двигается медленно и по-хозяйски. Сначала ткань — платье занялось снизу, и я почувствовала жар у щиколоток раньше, чем

увидела огонь. Потом кожа. От шёлка пахнет горелым сахаром — я не знала, что шёлк так пахнет, теперь знаю. Потом боль перестаёт быть болью и становится чем-то другим: не языком, а голосом тела, когда обычные слова кончились. Я стою неподвижно. Не потому что не могу двигаться. Потому что не хочу давать им это.

Я не кричу.

Это их удивляет — я вижу по лицам. Они ждали крика. Всегда ждали от меня того, что им было нужно.

Тайлер крепче сжимает факел — зачем, непонятно, он уже не нужен. Кто-то в задних рядах отступает на шаг, когда огонь поднимается выше. Шериф вытащил руки из карманов и теперь не знает, что с ними делать — держит их перед собой, чуть согнутыми, как человек, который ждёт, что ему что-то передадут. Сьюзан поджимает губы: не закричала — значит, сцена не такая, какой должна быть. Пастор Элрод поднимает взгляд — на долю секунды наши глаза встречаются, и он первый отводит. Конечно.

Дым идёт вверх и чуть в сторону. В этом дыму — то, что было моим платьем. Белое. Я надела его три недели назад, когда мы с Коулом зашли к судье и он расписался своим журналистским почерком — быстрым, наклонённым влево, — а я расписалась медленно, как будто хотела убедиться, что рука не дрогнет.

Рука не дрогнула.

Коула я не ищу глазами. Знаю, что его здесь нет. Сначала

они пришли за ним.

Я думаю о том, как он первый раз попросил разрешения снять меня. Просто спросил — не предполагая, не намекая, не делая одолжения. В этом городе мужчины не спрашивали разрешения. Они брали, называли это желанием, а потом уходили, оставляя ощущение, что тебя использовали как предлог для чего-то, в чём им самим было стыдно признаться.

Коул спросил.

Это и открыло меня. Как открывается замок, когда вставляешь правильный ключ — не потому что взломал, а потому что это и есть твой.

Они говорили — бесстыдная. Как будто стыд это то, что они должны были мне дать, а я отказалась брать. Как будто моя свобода была оскорблением их достоинства.

Я была их тайной. Каждый из них думал, что он один. Шериф не знал про пастора. Пастор не знал про Гарри. Гарри не знал ни про кого. Они жили бок о бок, жали друг другу руки после воскресной службы — и каждый нёс своё личное, тщательно охраняемое знание обо мне, как несут краденое: крепко и тайно.

Пока один из них не увидел Коула.

Ошибка была не в том, что я давала. Ошибка была в том, что они решили, будто это навсегда. Будто это право. Будто я — земля, которую можно засеять и которая будет родить, пока не иссохнет.

Я не иссохла. Я впервые сама распорядилась собой — без их согласия, без их ведома, без оглядки на то, что они об этом думают. Вот этого они не вынесли. Не то, что я была с другими. То, что я выбрала одного — сама, не спросив.

Это и есть кощунство. Не прошлое. Выбор.

Огонь добрался до плеч. Волосы начинают пахнуть — я чувствую это раньше, чем чувствую жар. Станный запах: горький, почти знакомый. Где-то в толпе плачет ребёнок — его привели, чтобы запомнил. Чтобы знал, что бывает. Этот ребёнок вырастет и будет называть сегодняшний вечер праведностью. Или вырастет и не сможет спать. Одно из двух.

Я смотрю на них по очереди. Не тороплюсь.

Шериф снова спрятал руки. Тайлер наконец отворачивается — не из стыда, из страха, что я задержусь на нём взглядом. Сьюзан прижимает платок к губам: жест, который полагается делать, и она всегда делала то, что полагается. Пастор снова смотрит в землю и беззвучно шевелит губами.

Они пришли сюда убить меня.

Но каждый из них унесёт домой этот вечер. Ляжет в постель — рядом с женой или в одиночестве — и это будет последнее перед сном. Не пламя.

Моё лицо в пламени.

Я не кричала. Вот что они не забудут никогда.

Глава 2. Венчание

Коул застёгивал мне платье на спине, и я смотрела в зеркало на его руки.

Двадцать три пуговицы. Он считал вслух — тихо, почти про себя — и на каждой останавливался на секунду дольше, чем нужно. Как будто хотел убедиться, что каждая на месте. Как будто это имело значение.

Для него имело.

— Двадцать три, — сказал он и поднял взгляд в зеркало. — Много.

— Зато расстёгивать интересно.

Он улыбнулся — не той улыбкой, которой улыбаются красивой шутке, а той, которой улыбаются, когда человек рядом оказывается именно таким, каким ты хотел его видеть. Я запомнила эту улыбку. Знала, что запомню.

Он поправил последнюю пуговицу у основания шеи, коснулся там кожи — одним пальцем, мимоходом — и отступил.

— Готова?

Я посмотрела в зеркало на женщину в белом. Она смотрела обратно с выражением, которое я бы назвала спокойствием, если бы не знала, что это другое. Не спокойствие. Решимость человека, который выбрал и больше не сомневается.

— Да.

Церковь была полная.

Это меня не удивило. В маленьком городе свадьба — событие, которое нельзя пропустить. Особенно такая свадьба. Особенно такая невеста. Они пришли все — в лучших платьях, при галстуках, с детьми, причёсанные, надушенные. Заняли скамьи от первого ряда до последнего, и когда я шла по проходу под руку с Коулом, я видела их лица по обе стороны от себя, как два берега реки, между которыми мне оставалось только идти вперёд.

Шериф — третий ряд, слева. Руки на коленях. Кивнул мне коротко, почти официально. Я кивнула в ответ и подумала о его обручальном кольце, которое он так и не снял даже тогда. Оно было здесь, на его пальце, в третьем ряду, на моей свадьбе.

Сюзан Марч — четвёртый ряд, розовое платье, которое я видела на ней впервые. Широкая тёплая улыбка. Я улыбнулась в ответ.

Гарри Марч не смотрел вообще.

Пастор Элрод стоял у алтаря.

Он был в белом облачении, торжественный и прямой, и лицо у него было именно таким, каким должно быть лицо пастора на венчании: открытым, спокойным, радостным во Господе. Он смотрел на нас, когда мы шли к алтарю, — на меня и на Коула — и в его взгляде не было ничего, что выдавало бы что-либо, кроме пасторского благожелательства.

Я знала его родинку на правом виске.

Я знала, как он произносит имя Бога, когда на самом деле думает о другом.

Я остановилась рядом с Коулом перед алтарём, и Элрод начал службу. Голос у него был красивый — глубокий, ровный, хорошо поставленный. Он говорил правильные слова в правильном порядке: о верности, о союзе, о таинстве, которое выше людских договорённостей. Держал Библию чуть выше обычного — так, чтобы видеть меня поверх неё, и чтобы было незаметно, что он смотрит.

Я замечала.

Коул держал мою руку. Его ладонь была сухой и тёплой. Он не сжимал — просто держал, как держат что-то, в чём уверены. Я смотрела на Элрода и слушала слова о святости брака из уст человека, который просил меня о тайне, — и именно в этот момент он запнулся.

Едва заметно. На полтакта. Почти ничего.

Но я услышала.

Он произносил слова о том, что Бог соединяет навсегда — и на слове «навсегда» его голос на мгновение изменил высоту. Не сломался. Просто — дрогнул. Как дрожит стекло перед тем, как дать трещину. Он сразу выровнялся, продолжил, и никто в зале, наверное, ничего не заметил.

Коул не заметил.

Я заметила.

Элрод поднял глаза на меня — на секунду — и снова опу-

стил. Я читала это движение. Он искал во мне что-то: осуждение, торжество, злость. Что-нибудь, что помогло бы ему почувствовать себя жертвой, а не виновным. Я не дала ему ничего. Смотрела ровно, и он снова опустил взгляд.

— Если кто-то из присутствующих знает причину, по которой этот брак не должен быть заключён, — сказал он, — пусть скажет сейчас.

Тишина.

Полная, тягучая, почти звенящая. Та тишина, которая бывает только в церквях и в моменты, которые потом долго помнят. Я стояла и слышала, как июньская жара давит на витражные стёкла снаружи. Где-то в задних рядах кто-то чуть сдвинулся на скамье. Кто-то — ближе — чуть поменял позу, и дерево скрипнуло.

Я успела подумать: кто из них мог бы встать?

Шериф — нет. Слишком осторожен, слишком много терять. Гарри — нет, он не выносит публичности. Тайлер мог бы — если бы уже тогда решился, если бы уже тогда знал, что можно. Пастор Элрод не встанет сам против себя — у него красивый голос и хорошо поставленный инстинкт самосохранения.

Никто не встал.

Они ещё не были готовы действовать публично. Это пришло позже. Сначала было молчание — тихое, накапливающееся, как вода за плотиной.

Элрод выдержал паузу ровно столько, сколько полагается,

и продолжил.

Когда Коул надевал мне кольцо — простое, тонкое, без камня, такое, какое я выбрала сама, — я почувствовала, как Сьюзан Марч чуть сдвинулась на скамье. Совсем немного. Как человек, которому стало неудобно, но который не хочет, чтобы это заметили.

На лужайке было шампанское, белые скатерти, лилии в вазах и июньское солнце, которое жгло открытые плечи. Город поздравлял нас.

Шериф первым подошёл к Коулу. Протянул руку — широко, по-мужски, с улыбкой. Коул пожал. Они обменялись чем-то коротким — я не слышала словами, только интонацией: дружелюбной, ни о чём. Шериф похлопал Коула по плечу. Коул засмеялся. Шериф повернулся ко мне — улыбка, кивок, всё правильно — и пошёл дальше.

Я смотрела ему в спину и думала: вот так это выглядит со стороны. Хорошие соседи. Добрый город.

Сьюзан подошла ко мне, когда я стояла у стола. Взяла мою руку в обе свои — крепко, как берут человека, которому хотят сказать что-то важное.

— Магда. Ты сегодня такая красивая.

— Спасибо, Сьюзан.

— Ты счастлива? — Она смотрела мне в глаза, и за её вопросом стояло другое — не враждебность ещё, но уже что-то похожее на проверку. Как будто правильный ответ мог что-

то изменить. Или неправильный — подтвердить.

— Да, — сказала я. — Счастлива.

Она ещё раз сжала мою руку и отошла. Улыбка держалась у неё на лице ещё секунды три после того, как она повернулась.

Гарри Марч прошёл мимо с бокалом. Не позддравил. Я поймала его взгляд на долю секунды — он опустил глаза сразу, привычно, как опускают в темноте, когда не хотят быть увиденными. Старый рефлекс.

Тайлер так и не подошёл. Но в какой-то момент я почувствовала его взгляд — и обернулась. Он смотрел на моё кольцо. Именно на кольцо, не на меня. С выражением, которое я не сразу смогла назвать. Потом назвала: это было выражение человека, который только что понял, что проиграл в игре, в которую думал, что не играл.

Пастор Элрод стоял у края лужайки без облачения, в обычной рубашке с расстёгнутым воротником. Рядом с кем-то разговаривал — серьёзно, вполголоса. Его обычность после алтаря была почти непристойной. Час назад он произносил слова о вечном. Сейчас он пил шампанское и говорил про погоду или приход, и ничего в нём не выдавало человека, у которого только что дрогнул голос на слове «навсегда».

Коул нашёл меня у края лужайки, там, где тень от старого дуба давала немного прохлады.

— Ты думаешь о чём-то, — сказал он.

— О тебе.

— Это другое лицо. — Он остановился рядом, чуть боком, как всегда, когда искал угол. — Не то, которое ты делаешь, когда думаешь обо мне.

— Ты фотограф. Не надо читать лица.

— Поздно. Уже научился.

Я посмотрела на него. На человека, который приехал снимать умирающие города и не уехал. Который видел сегодня добрых соседей с шампанским и широкими улыбками. Который пожал руку шерифу и не почувствовал ничего лишнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.